

6

АНЕКДОТЫ
ИЗЪ
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ
РУССКИХЪ
СЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ
И
ТУРКАМИ.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Александра Сѣмена,
на Софійской улицѣ.
1855

2

А Н Е К Д О Т Ы .

147012311

АНЕКДОТЫ

ИЗЪ

СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

РУССКИХЪ

СЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ

И

ТУРКАМИ.

МОСКВА.

**Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.**

1855.

СОВѢЩЕНІИ

ПЕЧАТАТЬ

ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 12 Мая 1853 года

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ П. Оедорова.

МАССЕТ

МОСКВА

Въ Типографіи въ Москвѣ

въ Синодальной Печати

1853.

АНЕКДОТЫ.

1.

19-го ноября 1853 года, когда противъ Турокъ, подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, выстроилась наша первая боевая линія, въ которой находились два батальона пѣхотнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, открылась обоюдная сильная канонада изъ орудій. Нѣсколько молодыхъ, неопытныхъ солдатъ, еще незнакомыхъ съ большимъ артиллерійскимъ огнемъ, начали пригибать головы. Унтеръ-офицеръ шестой

мушкетерской роты Петръ Алексѣевъ, бывшій дядькою нѣкоторыхъ изъ этихъ новичковъ, которые, какъ извѣстно, въ полкахъ дядьку своего величаютъ дядюшкой, а сами въ отношеніи къ нему называются племянниками или просто племяшами. Дядька обратился къ своимъ племяшамъ: «ну, что вы тамъ раскланялись? отдали селямъ Туркамъ разъ, другой, да и стой смирно!» — «Да, дядюшка, вишь ты какъ они по насъ стрѣляютъ!» отвѣчалъ племяшъ. — «Стрѣляютъ! это вороны каркаютъ, да шавки лаютъ на свою же голсву. Чуютъ, что не сдобровать имъ отъ нашихъ штыковъ.» — «А развѣ скоро пойдемъ въ штыки?» — «Вѣстимо дѣло! Страженія вѣдь безъ этого не кончаются!» — «Отчегожъ у насъ въ Дагестанѣ не такъ какъ здѣсь, а прямо ура и коли?» — Въ Дагестанѣ!.. вездѣ, братъ, свой манеръ, здѣсь компанія, а не экспедиція! здѣсь безъ салютаціи нельзя обойтись!» —

«Вотъ оно что!» заключилъ молодой племяшъ, поглядывая съ любовью вверхъ на острый конецъ своего штыка, и больше уже не кланялся турецкимъ ядрамъ и гранатамъ. Въ глазахъ его сіялъ какой-то восторгъ. Дѣйствительно, вскорѣ батальоны бросились впередъ съ барабаннымъ боемъ и съ крикомъ ура! Племяшъ взялъ ружье на руку и, крѣпко сжимая его, готовился уже ринуться въ штыки, какъ вдругъ смертельная пуля сразила его наповалъ. Дядька его, унтеръ-офицеръ Алексѣевъ, мрачно взглянулъ въ послѣдній разъ на павшаго подлѣ него, стиснулъ зубы, проворчалъ: «экъ его, сердечнаго, какъ хватило!» и потомъ отвернулся въ сторону, чтобы скрыть — не слезы, нѣтъ, а сильное, невольное движеніе мускуловъ на своемъ добромъ и мужественномъ лицѣ, — пронзительно вскрикнулъ ура! и врѣзался въ средину непріятеля. Много пало враговъ отъ руки Алексѣева; мстя за смерть люби-

мого племянника своего, онъ дрался съ изступленіемъ, и наконецъ израненный — палъ. Неудивительно, что горсть русскихъ разбила массы турецкія: въ этой горсти сражались все Алексѣевы!.. Но удивительна эта задушевная связь, это названное родство старыхъ и юныхъ воиновъ, и эта сердечная теплота чувства, не покидающая русского солдата въ самыя грозныя минуты отчаянной битвы.

2.

— Когда подъ Ахалцыхомъ два орудія горной № 1-го батареи и при нихъ одно турецкое, отбитое у непріятеля подъ Ацхуромъ, приблизились вмѣстѣ съ обходною колонною къ рѣкѣ Поцховкѣ и, занявъ позицію передъ фронтомъ непріятельскаго расположенія, готовились открыть огонь по турецкимъ батареямъ и заваламъ, одно непріятельское ядро задѣло артиллерійскую ло-

шадь при третьемъ орудіи, и сбило съ ногъ ея вожатаго. Канониръ быстро вскочилъ на ноги, оправился, и, не смотря на контузію, сталъ размуштучивать раненую лошадь. Когда же ему было приказано удалиться къ перевязочному пункту, артиллеристъ забылъ боль и опасность, и обратился къ своему офицеру съ словами: «ваше благородіе! позвольте мнѣ остаться во фронтѣ и посмотрѣть какъ эта турецкая пушка будетъ стрѣлять по своимъ землякамъ.» Когда же орудіямъ слѣдовало перемѣнить позицію, контуженный канониръ присѣлъ на землю, и смѣясь сказалъ товарищамъ: «идите, кунаки, впередъ, ближе къ басурману, а я подожду доктора, да вмѣсто микстуры попрошу чарку водки, и тогда бѣгомъ добѣгу къ вамъ, а теперь и радъ бы идти съ вами, да ноги не держатъ!»

— Подъ ѣздовымъ другой батареею, дѣйствовавшей при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, было убито шесть лошадей, одна за другою. Шестъ разъ ѣздовой (изъ малороссіянъ) хладнокровно слѣзалъ съ убитой лошади, и садился на здоровую. Когда же и шестая лошадь повалилась подъ нимъ отъ турецкаго ядра, малороссіянину нѣсколько разсердился и, взлѣзая на седьмого коня, не могъ не обратиться къ Туркамъ съ слѣдующею рѣчью: «экъ бисъ васъ возми, да що же вы въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ привязались!» Это лѣнивое хладнокровіе артиллериста прекрасно характеризуетъ малороссіянина, и въ то же время свидѣтельствуетъ о величавой, холодной храбрости русскаго солдата.

Послѣ Башъ-Кадыкъ-Ларскаго сраженія, трое рядовыхъ егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полка, съ ружьями на перевѣсѣ, отправились къ близъ-лежащей деревнѣ, гдѣ какая-то башня была еще занята неприятелемъ. — Куда вы? спросилъ Куринцевъ офицеръ. — На штурмъ, ваше благородіе! — Куда на штурмъ? — А вонъ ту башеньку поочистить, ваше благородіе. Турки засѣли и сильно строчатъ по насъ. — Толпа Турокъ поспѣшно оставила башню и бѣжала изъ деревни, ища спасенія. — Но если, во время дѣла, не любитъ русскій солдатъ разглагольствовать, потому что дѣло предпочитаетъ слову, за то не упуститъ случая сказать словцо на досугѣ, чтобы подшутить, хотя бы надъ собственнымъ своимъ несчастіемъ. Рядовому Князя Варшавскаго полка турецкая пуля

оторвала постъ. Перевязавъ себѣ лице платкомъ, раненый не выходилъ изъ строя. — Какъ это тебя угораздило? спросилъ кто-то храбрца. — Пулею; повернулся было заряжать, а тальная и отхватила; да ничего, табачокъ нюхатъ еще можно!

5.

— Другому рядовому (Князя Воронова полка) подъ Баяндуромъ оторвало ту самую ногу, которая прежде, въ Чеченскихъ экспедиціяхъ, въ разное время была прострѣлена пять разъ. Падая отъ новаго удара, раненый воскликнулъ: «вишь ты, проклятая, повадилась! ну, такъ нѣтъ же, умру прежде!» Вообще русскій солдатъ не полѣзетъ въ карманъ за словомъ, когда можно подшутить ловко и бойко, хоть бы надъ собственною гибелью, а когда нужно, — отвѣтитъ съ достоинствомъ и величіемъ, и въ обоихъ случаяхъ не призадумается.

6.

Во время Башъ-Кадыкъ-Ларскаго сраженія, у одного унтеръ-офицера Эриванскаго полка оторвало руку. На раненаго не успѣли обратить вниманія, всѣ были заняты, всѣмъ было работы вдоволь. Онъ поплелся самъ на перевязочный пунктъ. На дорогѣ, его встрѣтили товарищи, отводившіе другаго раненаго, и помогли ему добраться до мѣста. Не смотря на сильную боль (лѣвой руки у него какъ и не бывало), опытный служака тотчасъ замѣтилъ, что на ружьѣ одного изъ провожавшихъ его солдатъ сбитъ прицѣлъ. «Вотъ тебѣ, братишка, мое ружье, троихъ Турокъ имъ свалилъ, и тебѣ оно послужить лучше твоего!»

7.

— Когда непріятельскіе батальоны были сбиты съ Кадыкъ-Ларскихъ вы-

сотъ и батареи взяты, одинъ турецкій батальонъ, сохранивъ нѣкоторую правильность въ отступленіи, схватилъ снятое съ передка орудіе, и хотѣлъ увезти его съ собою. Наши солдаты стремительно бросились отнимать увозимое орудіе, при чемъ одинъ шутникъ, возбуждшій общій смѣхъ, закричалъ не-пріятелю: «эй братъ, Турокъ, не хочешь ли вотъ штыка! а пушку-то намъ оставь...» Пушка была дѣйствительно оставлена, а турецкій батальонъ почти весь переколотъ.

8.

— Послѣ Ацхурскаго дѣла перевязывали одного раненаго солдата, который замѣтилъ, что подлѣ него лежитъ раненый Турокъ. «Перевяжите, ваше благородіе, прежде его рану, сказалъ онъ медикъ: онъ хуже меня раненъ.»

31-го декабря 1853 года, прибылъ въ Динабургъ транспортъ съ казенными вещами, отправленный изъ С.-Петербурга въ Варшаву, и остановился на постояломъ дворѣ. Два унтеръ-офицера, находившіеся при транспортѣ, тщетно прождавъ цѣлую ночь старшаго своего унтеръ-офицера Ивана Ловчика, отставшаго отъ нихъ на дорогѣ, не доходя Динабурга, пошли его отыскивать. По приходѣ въ корчму Ровокъ, отстоящую отъ города въ двадцати трехъ верстахъ, застали его сидящимъ за столомъ, въ самомъ убійственномъ расположеніи духа. — Что съ тобою? спросили товарищи.

— «Экъ, братцы! пропала моя головушка! пропала моя служба! берите и ведите меня въ крѣпость.» — Богъ съ тобою, Ловчикъ! опомнись! скажи, что приключилось недобраго. — «Все про-

нало, братцы! отвѣчалъ онъ со слезами. Потерялъ я деньги и бумаги! осрамилъ я васъ, осрамилъ и полкъ! вотъ, скажутъ, до чего дошелъ на старости Ловчикъ! кто повѣритъ, что я потерялъ? скажутъ, пропилъ, но, видить Богъ, я не виноватъ!» — Гдѣ же ты потерялъ? — «И самъ не вѣдаю. Знаю только, что не на станціи: выходя изъ нея, имѣлъ еще деньги въ карманѣ; самъ помню, какъ ощупывалъ ихъ; но пройдя съ версту — хватъ — ни денегъ, ни бумагъ! Я вотъ и зашелъ сюда ожидать, не объявится ли какой добрый человѣкъ о находкѣ.» — Нечего, братъ, дѣлать! сказали товарищи: видно такая твоя судьба; никто не отыскалъ пропажи, а хотя и нашелъ жидъ какой, то долго будетъ помнить тебя, пойдемъ. — Ловчика доставили въ полицію. Его посадили подъ арестъ, начали слѣдствіе и сдѣлали распоряженіе къ отправленію транспорта по назначенію. Бѣдный Ловчикъ

только плакалъ и горячо молился. — Происшествіе сдѣлалось гласнымъ въ городѣ и окрестностяхъ. Вдругъ, 7-го января, являются къ помѣщицѣ С. Д. Могль двѣ ея крестьянки: Ева Ащукъ и Доротея Пиланъ, и объявляютъ, что онѣ нашли въ снѣгу какія-то бумаги и деньги, догадываясь, не принадлежатъ ли онѣ тому солдату, котораго недавно посадили подъ арестъ. Деньги и бумаги оказались дѣйствительно принадлежащими Ловчику. Первые были всѣ на лицо, въ числѣ 95 р. сереб., во вторыхъ заключались контрактъ съ извозчиками, ихъ паспорта, накладная и т. п. Все это было тотчасъ же помѣщицею передано мѣстному начальству, для отдачи Ловчику, и транспортъ отправился далѣе. Можно ли описать радость старика, будто воскресшаго изъ гроба, при полученіи денегъ, по освобожденіи изъ-подъ ареста? «Боже! благодарю Тебя! говорилъ онъ, обливая слезами находку. Не до конца еще,

видно, прогнѣвилъ я Тебя! благодарю и Тебя, Мати Божія, что услышала грѣшную молитву мою къ Тебѣ! благодарю и васъ, добрые люди, продолжалъ онъ, что спасли мою службу, помиловали мою головушку. Дай вамъ, Господи, здѣсь счастія и долю, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» Великодушный поступокъ означенныхъ женщинъ тѣмъ болѣе достоинъ похвалы, что онѣ знали, кому принадлежатъ деньги, и слѣдовательно не надѣялись получить никакой изъ нихъ части въ награду, и что большая половина ихъ состояла изъ мелкаго серебра, которое могли бы онѣ израсходовать въ свою пользу незамѣтно. Помѣщица тотчасъ же сообщила объ этомъ священнику той деревни, въ которой живутъ Ащукъ и Цилянъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ объявилъ въ церкви о такомъ благородномъ, безкорыстн ихъ, въ первый воскресный день.

Передъ Баяндурскимъ дѣломъ, командующій корпусомъ, Князь В. О. Бебутовъ объѣзжалъ ряды 2-го батальона Князя Варшавскаго полка, того самаго полка, съ которымъ Башъ-Кадыкъ-Ларскій побѣдитель въ 1828 году защищалъ Ахалцыхъ. Обратясь къ солдатамъ, Князь напомнилъ имъ о томъ, что въ 1828 году съ этимъ полкомъ онъ защищалъ Ахалцыхъ, и прибавилъ, что въ ихъ полку вѣроятно уже нѣтъ никого изъ тогдашнихъ... — «Постаремся замѣнить, ваше сіятельство!» отзывался голосъ изъ рядовъ батальона...

При посѣщеніи лазарета, Князь Бебутовъ подошелъ къ кровати, драгунскаго Его Высочества наследнаго Принца Виртембергскаго полка рядоваго Озе-

рова, получившаго осмнадцать ранъ въ Башъ-Кадыкъ-Дарскомъ сраженіи.— Ну что, братъ, въ отставку теперь? ласково спросилъ Князь изувѣченнаго героя. — Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство! лѣвая рука еще дѣйствуетъ; только уже, конечно, отъ меня Туркамъ уваженія никакого теперь не будетъ!»

12.

Бѣда. Во время дѣла подъ Ахалцы-хомъ, 1-го ноября 1853 года, у штуцернаго рядоваго 8-й егерской роты Никиты Овсянникова, въ замкѣ штуцера лопнула пружина. «Вотъ чортъ возьми! сказалъ онъ съ сердцемъ: вѣдь при такой бѣдѣ и турокъ далеко; штыкомъ не достанешь!»

13.

Басурманская пуля боится креста. 1-го ноября 1853 года, подъ Ахалцы-

хомъ, унтеръ-офицеру 3-й карабинерной роты Степану Ткаченкѣ, ударила непріятельская пуля въ крестъ аммуниціи; но, потерявъ силу въ дальнемъ полетѣ, упала на землю, не причинивъ вреда. «Ага! сказалъ Ткаченко, басурманская пуля боится креста.»

14.

Барабанищикъ. Во время штурма аула Суфлиса, 14-го ноябрю 1853 года, ядро ударило въ землю рикошетомъ возлѣ барабанищика 3-й егерской роты Николая Кожина, и засыпало пескомъ его барабанъ въ то время, когда онъ билъ наступленіе. Кожинъ, ни мало не смутясь, сметъ песокъ и сказалъ: «эй, бурсурманы, теперь кожа барабана нѣжнѣ моей, вамъ же веселѣе будетъ умирать подъ русскую плясовую.»

Госпитальные толки. «Ты же какъ попалъ сюда, Силанчъ?» спросилъ одинъ больной другаго, сильно напоминая своимъ выговоромъ языкъ Малороссіи. — «Да такъ! бувъ въ дилѣ; турецкая пуля зацепила,» — отвѣчалъ тотъ, кто былъ названъ Силанчемъ. — «Да якъ же ты былъ въ дилѣ, когда ты вѣдь числился въ деньщикахъ?» — «Самъ пошелъ въ строевые.» — «Да какъ же ты самъ пошелъ, коли на то воли начальства не было?» — «Начальство отпустило. Въ томъ-то и штука!» — «Да какъ же это тебя, такого стараго, да еще и безпалаго, начальство отпустило?» — «Оно точно, дѣло было не легкое, да отпросился. Пришелъ къ его благородію, то-есть къ своему-то, у котораго жилъ въ деньщикахъ, да и бухъ ему въ ноги: пощади, говорю, ваше благородіе, не погуби вѣрнаго своего слугу.» — «Такъ-

таки и бухнулся? ахъ ты, старый мо-
 лотокъ! ну, а его благородіе что?» —
 «Онъ испужался сначала. Вишь ты,
 думалъ, что я ни вѣсть чего набѣ-
 докурилъ.» — «Ну, а ты что?» — «Я
 заплакалъ, да прямо ему мое дѣло и
 рассказалъ, какъ было на душѣ. Ба-
 тюшка, роднинькій, говорю, помилуй и
 не гнѣвайся, у симъ доволенъ я отъ твоей
 милости, да хочу служить нашему ба-
 тюшкѣ Царю по-солдатски; отпусти
 меня изъ деньщиковъ въ строевые, и
 попроси командира нашего, не хай ихъ
 высокоблагородіе меня у твою сотню
 приишетъ, яку собираютъ подъ Тур-
 ка.» — «Чтожъ тебѣ на это его благо-
 родіе?» — «Его благородіе обѣщалъ про-
 сить войсковаго старшину; только ска-
 залъ мнѣ, что сотню собираютъ не подъ
 Турка, а на Лезгинскую линію. Какъ
 услышалъ я это, такъ у меня руки и
 опустились. А его благородіе смотритъ
 да ухмыляется. — Али раздумалъ? го-
 воритъ, али боишься Лезгинъ? а еще

въ отрядъ просишься. — Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, говорю, нешто бояться оборванцевъ; оно конечно одно и то же, что Лезгинъ, что Турокъ—тѣ же басурманы; да только мнѣ бы хотѣлось подивиться на проклятаго Турка, да побить ихъ десятковъ съ пять, знали бы, якъ ругаться надъ нашею вѣрою и крестомъ. А на это мнѣ мой-то и говоритъ: правда, говоритъ, Турка надо бить: только у тебя Силачъ, говоритъ, храбрости не хватитъ. — У меня?! а что, ваше благородіе, али ихъ отродье сильнѣе нашего брата? куда имъ, гадюкамъ. Я бувъ еще малымъ, якъ родитель мой батюшка ходивъ подъ этого звиря, положивъ сотни три, да и свиртався на Донъ.» — «И ранили его?» — «А ни, Боже мой! еще принесъ басурманскаго добра дюжо-дюжо много, да получилъ хрестъ Св. Георгія.» — «А за что?» — «За якого-сь басурманскаго полковника; да еще снялъ съ него шапку.» — «И саблю онъ

же снялъ? Какъ же это?» — «Какъ пустились наши Донцы въ атаку, родитель глядь, ажъ одинъ Турка утикантъ до балочки, а конь у родителя бувъ ухъ добрый! догнавъ бисовское отродье и шпырнувъ его цикою. Ухъ! да и азія-жъ проклятая!» — «А что?» — «Да то! съ коня падая, а самъ руку протигая къ пистолу. А родитель мой шпырнувъ его въ другій, тутъ и конецъ басурману. Такъ вотъ съ этимъ народомъ подраться лестно, а то Лезгинны, по задворьямъ ходять, да ищутъ чего бы украсть. А Турка бить точно-что лестно; первое дѣло оттого, что онъ Турокъ, а второе, что робить обиду нашей Православной Церкви и Царю батюшкѣ»... — Такъ тебя и отпустили подъ Турка?» — «Отпустили, дай Богъ имъ здоровья! привелось-таки посчитаться съ настоящими врагами Христовыми»... — «Ну, молотокъ!..» замѣтилъ собесѣдникъ Силаича, а за тѣмъ прекратилась бесѣда.

Другой разговоръ. «Да ты про кого говоришь?» — «Да про Кузнецова.» — «Это про которого же, Кузнецова?» — «Да все про того же, что въ 23-мъ Полковника Хрещатицкаго полку»... — «Да! ну, такъ что же онъ?» — «Молодецъ онъ, да и христіанская душа! бить бьетъ, да и пощаду даетъ побитому, оттого, что жалостливо сердце христіанское. Былъ Кузнецовъ въ Эриванскомъ отрядѣ, въ дѣлѣ съ Турками, еще въ прошломъ году, 13-го ноября 1853 года, при Игрыдѣ. Наскакалъ онъ на какого-то чиновника, пашу что ли, да увидавши, что тотъ совсѣмъ почитай безъ оружія, вздумалъ взять его живаго въ полонъ. Схватилъ ужъ Кузнецовъ и лошадь его за поводья, и сталъ кричать, чтобы сдавался; но тотъ, вмѣсто отвѣта, выхватилъ пашку, началъ защищаться, и нанесъ Кузнецову нѣсколько ранъ въ грудь, а

нашъ казачина все только удерживалъ супротивника, до тѣхъ поръ, пока тотъ, махая своимъ Англійскимъ ножичкомъ, задѣлъ Кузнецова за живое; тогда Кузнецовъ осердился и ссадилъ пашу пикою съ лошади. Паша, лежа на землѣ, схватился за пистолетъ, и выстрѣливъ въ Кузнецова, сильно попортилъ ему правое плечо. Въ это самое время подскакалъ Шемахинецъ, нашъ милиціонеръ, и ужъ замахнулся на Турка шашкою, да Кузнецовъ же остановилъ его. «Стой братъ! закричалъ онъ милиціонеру, не бей! онъ раненъ, безъ оружія, и на землѣ, а у насъ на тихомъ Дону есть заповѣдь родительская: лежачаго не бьютъ.» Всадникъ остался недоволенъ, и повернулъ въ сторону, но Кузнецову не посчастливилось спасти своего плѣнника: онъ тутъ же умеръ на рукахъ Кузнецова; но, умирая, сложилъ изъ пальцевъ крестное знаменіе, и обратилъ къ небу погасавшій взглядъ... Оказалось, что плѣнный Кузнецова былъ

Венгерецъ... Кузнецовъ съ трудомъ поднялъ раненую свою руку, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «отпусти, Господи, прегрѣшенія и врагамъ нашимъ!» Въ послѣдствіи, когда спрашивали Кузнецова, не сердитъ ли онъ на Венгерца, его ранившаго, онъ отвѣчалъ: «Богъ съ нимъ! Жаль только, что испортилъ мнѣ правую руку; за его же богоотступную душу не могу теперь перекреститься, а чтобъ бить басурмановъ, — есть еще лѣвая!»

17.

При осадѣ кр. Силистріи, когда траншеи наши подошли подъ самый валъ передоваго укрѣпленія, Турки бросали ручныя гранаты, которыя солдаты наши перебрасывали къ нимъ обратно, весело приговаривая: «такихъ подарковъ мы не принимаемъ, ловите свою чиненку, вамъ пригодится на черный день.»

Въ сраженіи близъ сел. Кюрукъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, первые пушечные выстрѣлы были сдѣланы Турками на такомъ разстояніи, что ядра ихъ далеко не долетали до нашихъ войскъ, находившихся въ 1-й линіи. Солдаты Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка привѣтствовали эти дальніе выстрѣлы громкимъ смѣхомъ и разными шутками: «вишь, еще до сраженія струсилъ, что по воробьямъ стрѣляетъ»—говорили они.

— Командиръ 1-го батальона Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, Полковникъ князь Тархановъ, верхомъ на лошади, съ шашкою

въ рукѣ, бросился на турецкаго знаменщика, но былъ встрѣченъ нѣсколькими штыками. Увидѣвъ это фельдфебель шефской роты, бросился на выручку своего батальоннаго командира, выстрѣломъ въ упоръ убилъ одного Турка, штыкомъ закололъ знаменщика и овладѣлъ знаменемъ.

20.

— Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка Полковникъ *Спицынъ*, при атакѣ съ командуемымъ имъ дивизіономъ противъ турецкой кавалеріи, получилъ двѣ раны и подъ нимъ убита лошадь. Унтеръ-офицеръ его дивизіона немедленно соскочилъ съ своей лошади и, подведя ее къ Полковнику *Спицыну*, сказалъ: «Садитесь, ваше высокоблагородіе, вы нужнѣе меня.» — Великодушный воинъ пережилъ своего начальника; ибо послѣдній, не согласившись

даже перевязать своихъ ранъ, снова бросился съ своимъ дивизиономъ въ атаку противъ турецкой пѣхоты, и былъ убитъ 12-ю пулями.

21.

25-го іюня 1854 года, бывшая въ Журжинскомъ отрядѣ противъ Турокъ 11-я рота Колыванскаго егерскаго полка, находившаяся долго въ цѣпи, разстрѣляла почти всѣ свои патроны; рядовой этой роты жаловался унтеръ-офицеру *Качалову*, что не чѣмъ стрѣлять. «Эхъ! ребята», — отвѣчалъ *Качаловъ*, «да развѣ вы забыли, что пуля дура, а штыкъ молодецъ — впередъ! пойдѣмъ штыкомъ работать!» — При этихъ словахъ *Качаловъ*, съ крикомъ «ура!» кинулся впередъ. Двадцать два человѣка егерей дружно ударили въ штыки на 45 человѣкъ Турокъ, засѣвшихъ въ камышахъ; непріятель, оставивъ половину на мѣстѣ, бѣжалъ.

25-го іюня 1854 года, въ дѣлѣ подъ Журжею 3-й батальонъ Колыванскаго егерскаго полка, построенный въ колонны, былъ направленъ для взятія окоповъ, занятыхъ Турками. Егеря, достигнувъ батареи, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Турки, засѣвшіе во рву, амбразурахъ и на брустверѣ, производили сильный огонь. Командиръ 3-й карабинерной роты, прибѣжавъ съ егерями къ батарее, хотѣлъ взглянуть въ амбразуру; замѣтивъ это движеніе, карабинеръ Никифоръ Андреевъ, схвативъ его за руку, вскричалъ: «повремените немного, ваше благородіе, дайте миѣ сперва прочистить окно, а то ничего не видать, красноголовые закрываютъ!»

Никифоръ Андреевъ бросился въ амбразуру, выстрѣломъ положилъ одного и закололъ штыкомъ другаго Турка; но въ это время былъ раненъ въ ногу

и упалъ въ ровъ. Когда раненаго несли на перевязку, онъ смѣялся надъ Турками: «хороши красноголовые! въ 3-хъ шагахъ цѣлилъ миѣ въ грудь, а попалъ въ ногу; куда имъ воевать, — и стрѣлять-то не умѣютъ!»

23.

25-го іюня 1854 года, когда Турки были выбиты изъ батареи на островѣ *Радоманъ* и бросились бѣжать вдоль Дуная, преслѣдуемые нашими егерями, унтеръ-офицеръ *Степанчукъ*, находившійся въ головѣ колонны, былъ пораженъ двумя пулями и упалъ; нѣсколько человекъ подбѣжали къ нему съ тѣмъ, чтобы перенести его на перевязочный пунктъ; «оставьте, братцы, меня здѣсь пока», говорилъ раненый; «когда переколите всѣхъ басурмановъ, то пожалуйста — отнесите!»

3-й карабинерной роты рядовой *Оедоръ Куринскій* въ хору пѣсенниковъ плясалъ всегда съ бубномъ.

25-го іюня, въ дѣлѣ подѣ *Журжой*, *Оедоръ Куринскій*, находясь въ стрѣлкахъ, былъ раненъ въ руку. — «Проклятый Турокъ запретилъ играть на бубнѣ», сказалъ смѣясь раненый; «отомстите братцы за меня; а я раздѣляюсь съ нимъ послѣ!»

Въ дѣлѣ съ Турками при г. *Журжѣ* 25-го іюня 1854 года, непріятель приблизился на картечный выстрѣлъ къ одному изъ укрѣпленій на островѣ *Радоманѣ*, занятому двумя орудіями легкой № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады, поставленными на барбетѣ, и открылъ сильный штуцерный

огонь по прислугѣ, при чемъ нѣсколько человекъ было убито. Старшій канониръ Федотъ Погуляевъ, при сильномъ сосредоточенномъ огнѣ крѣпости, коимъ была разрушена часть бруствера, съ полнымъ присутствіемъ духа исполнялъ обязанности нѣсколькихъ нумеровъ. Взойдя на вершину бруствера, банникомъ онъ указывалъ направленіе, гдѣ скрывались непріятельскіе штуцерные. Въ это время колонны егерей, выдвинутыя для атаки высадившагося непріятеля, проходили мимо батареи: «вотъ они, красноголовые; колите ихъ, братцы, а пока вы дойдете, мы карачкою проберемъ для васъ дорожку пошире!»

26.

1) *Завидная смерть.* 24-го іюля 1854 года, во время сраженія съ турецкою арміей, 2-й батальонъ гренадерскаго полка храбро дрался съ огромными ко-

лоннами втрое сильнѣйшаго непріятеля. Подпоручикъ Казачковъ, отважно принимавшій участіе, впереди своего взвода, въ рукопашной битвѣ, раненый нѣсколькими штыками и съ разрубленною сильно головой, былъ еще живъ, но отнести его на перевязочный пунктъ было некому: всѣ солдаты были заняты боемъ. Подпоручикъ Казачковъ старался самъ дополсти до обоза, но не имѣлъ силъ, и, заливаясь кровью, лежалъ на землѣ. Въ это время стрѣлковый батальонъ, направленный съ лѣваго на правый флангъ, проходя, увидѣлъ его. Командиръ батальона, Полковникъ Лузановъ, съ участіемъ подошелъ къ раненому и, видя, что онъ еще живъ, приказалъ взять его своимъ солдатамъ и отнести къ обозу. «Напрасно», сказалъ Казачковъ, «я чувствую, что умираю, но скажите мнѣ, какъ успѣхъ нашего сраженія?» Полковникъ Лузановъ отвѣчалъ, что Турокъ бѣгутъ, на всѣхъ пунктахъ преслѣдуютъ, встребляютъ,

отнимаютъ у нихъ орудія, знамена, значки, и берутъ множество плѣнныхъ. Тогда Поручикъ Казачковъ, сдѣлавъ необыкновенное усиліе, приподнялся, сталъ на колѣни, перекрестился набожно и сказалъ слабымъ голосомъ: «благодареніе Богу, я умеръ не даромъ, Турки разбиты!» — упалъ снова на землю; потомъ, собравъ опять силы, онъ снялъ съ груди образъ — благословеніе его матери, и, отдавая Полковнику Лузанову, сказалъ: «Будьте такъ добры, отдайте этотъ образъ моему товарищу, Прапорщику Извольскому: онъ перешлетъ его къ моей старухѣ-матери и напишетъ ей, что я умеръ, исполняя долгъ присяги Царю и отечеству.» Послѣ этихъ словъ, раненый лившимся чувствъ; Полковникъ Лузановъ приказалъ солдатамъ нести его на перевязочный пунктъ, но на дорогѣ онъ умеръ.

2) *Искалъ и нашелъ.* Во время сраженія съ Турками 24-го числа іюля мѣсяца, рядовой 2-й гренадерской роты того же полка Романъ Свиридовъ, молодой солдатъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, находясь въ этотъ день по обязанности службы въ обозѣ при лазаретной фурѣ, горевалъ, что ему не пришлось быть вмѣстѣ съ своими товарищами, долго уговаривалъ, и наконецъ отпросясь у старшаго въ командѣ, побѣжалъ къ своему батальону, и поспѣлъ какъ разъ къ началу рукопашной битвы. Храбрый Свиридовъ бросился въ самый пылъ сраженія, закололъ одного турецкаго солдата, приговоривъ: «это тебѣ за покойнаго нашего командира Князя Орбеліана, а теперь надо другаго для Князя Тарханова», — и погнался было за другимъ, но въ это самое время раздался залпъ изъ орудій батареи, устроенной непріате-

лемъ противъ нашего праваго фланга, и ядро ударило въ грудь храбраго Свиридова. По окончаніи сраженія товарищи взяли его, и понесли на перевязочный пунктъ. Дорогой, одинъ изъ несшихъ его, движимый сожалѣніемъ къ страданіямъ раненаго, сказалъ ему: «зачѣмъ, братъ, Романъ, уходилъ изъ обоза? вѣрно быть, такъ и оставался бы себѣ.» — «Чудной ты, право!» отвѣчалъ раненый, — «а ты небось, кабы пришлось, оставался бы въ обозѣ, когда поганый Турокъ бьетъ товарищей?» — «Ну, нѣтъ и я бы не остался.» «Такъ чтожъ и толковать?» Страдая жестоко отъ ужасной раны, Свиридовъ во все время былъ необыкновенно бодръ, и съ рѣдкимъ присутствіемъ духа переносилъ мученія; при посѣщеніи товарищей и земляковъ, онъ весело толковалъ съ ними о всегдашней своей надеждѣ сходить въ отпускъ домой къ роднымъ, съ крестомъ на груди. Во время же посѣщенія начальниковъ,

хвалившихъ его за храбрость, онъ такъ весело и самодовольно улыбался, что трудно было подумать, что рана его тяжела, не только смертельна! На третій день храбрый Романъ Свиридовъ умеръ, обнаруживая постоянно самыя благородныя, высокія чувства.

28.

3) *Легкая рана.* Въ сраженіи того же числа, когда батальоны наши подходили къ непріятельскимъ колоннамъ, 3-го батальона гренадерскаго полка рядовой Крупновъ, стрѣляя по непріятелю, сказалъ вдругъ товарищамъ: «Эге! братцы, кажется, меня ранили въ ногу.» Заверотивъ голенище сапога, онъ сталъ разсматривать рану. — «Ну, что братъ, какова рана?» спросилъ его бывшій вблизи рядовой Губенковъ. — «Да такова, что и перевязывать ее не стоитъ, когда непріятель передъ носомъ», — живо оправилъ сапогъ и ша-

ровары, зарядилъ ружье и пошелъ въ атаку, забывъ второпяхъ, что ему должно прихрамывать; когда же, по окончаніи сраженія, Крупнова отвели на перевязочный пунктъ, оказалось, что рана была довольно трудная, и онъ самъ сознавался, что ему ступать раненой ногой было больно.

29.

4) *Ампутація.* По окончаніи сраженія 24-го іюля 1854 года, командиръ гренадерскаго полка, Полковникъ Князь Тарханъ-Моуравовъ, обходя въ вагенбургѣ раненыхъ нижнихъ чиновъ своего полка, подошелъ къ рядовому 11-й фузелерной роты Александру Воинову, которому ядро перебило ногу. На вопросъ командира полка о здоровьѣ, Воиновъ бодрымъ голосомъ отвѣчалъ: «ничего, ваше сіятельство, только прикажите скорѣе отрѣзать ногу, — сильно болитъ.» Удивленный такою просьбой,

не согласовавшеюся съ бодрымъ видомъ раненаго, Князь Тарханъ-Моуровъ возразилъ: «зачѣмъ же, братецъ, рѣзать, можетъ быть, такъ вылѣчать?» — «Нѣтъ, ваше сіятельство», сказалъ *усмѣхнувшись* Воиновъ: «я чувствую, что ужъ не хозяинъ этой ноги, напрасно только лѣчить будутъ, а Царю батюшкѣ можно будетъ послужить еще и на одной ногѣ.» Къ вечеру слѣдующаго дня, командиръ полка увидѣлъ Воинова уже безъ ноги; бравый гренадеръ казался довольнымъ своимъ положеніемъ какъ нельзя болѣе, говорилъ, что не жалѣетъ о ногѣ, потерявъ ее на службѣ царской, и во все время, Воиновъ своими благородными рѣчами, въ которыхъ выражались высокія чувства преданности Русскаго солдата къ своему долгу, ободрялъ всѣхъ раненыхъ, лежавшихъ съ нимъ въ одной палаткѣ.

5) Для чего понадобилась перевязка. Во время сраженія 25-го іюля, рядовой 9-й фузелерной роты гренадерскаго полка Нахриновъ, раненый пулею въ лобъ, наклонивъ голову внизъ, засунулъ руку въ карманъ. — «Что ты, братъ, пули ищешь чтоли?» спросилъ его рядовой Толстыхъ, — «ударила въ лобъ, а въ карманъ ее ищешь!» «Пулю-то я нашелъ», отвѣчалъ Нахриновъ, а въ карманъ ищу бинтъ и тряпицы перевязать рану, а то кровь льется по глазамъ и мѣшаетъ враговъ различать, какъ бы въ торопяхъ въ инаго Турка лишній разъ не пырнуть штыкомъ.» — «Правда», замѣтилъ рядовой Лудниковъ, «давай завяжемъ, — тутъ столько натолилось враговъ, что не надо одного колотить два раза, а наровить какъ бы заразъ двухъ задѣть. Только проклятые разбрелись по всей степи,

никакъ ихъ въ кучу не загонишь.» И перевязавъ наскоро рану, три гренадера побѣжали преслѣдовать бѣгущаго врага.

31.

6) *Последній выстрѣлъ.* Въ томъ же сраженіи, рядовой 4-й фузелерной роты того же полка, Петръ Прокофьевъ, въ жару боя не слышалъ, какъ его ранили пулею въ плечо; онъ стоялъ и торопливо заряжалъ ружье, когда командиръ той роты, увидѣвъ, что у него изъ плеча льется кровь, приказалъ ему идти на перевязочный пунктъ. «Слушаю, ваше благородіе», отвѣчалъ Прокофьевъ, «только позвольте разрядить на Туркѣ штуцеръ», — и побѣжавъ впередъ, выстрѣлилъ въ непріятельскаго офицера, который палъ мертвый на землю. — «Ну, теперь можно идти и на перезязку», сказалъ спокойно Прокофьевъ.

32.

7) *Защитники знамени.* Во время рукопашной битвы 2-го батальона гренадеръ съ непріятельскими батальонами, турецкій офицеръ бросился было верхомъ къ батальонному знамени; но стоявшіе въ знаменныхъ рядахъ, фельдфебель гренадерской роты Антипъ Ефимовъ и унтеръ-офицеръ Федосій Черпацкій закричали ему: «ну, любезный Турка, не дожить тебѣ до этого! не слѣдъ тебѣ на святой крестъ тянуться», и гренадеры штыками сняли держкаго съ лошади.

33.

8) *Завтракъ съ врагомъ.* Въ рукопашной битвѣ 24-го іюня, когда 1-й батальонъ гренадеръ, опрокинувъ штыками густыя колонны непріятеля, погналъ его и преслѣдовалъ, рядовой

3-й фузелерной роты Тимошей Велигузь, раненый въ ногу, сидѣлъ на землѣ; въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ въ изнеможеніи раненый Турокъ. Замѣтно было, что еще недавно между ними была жестокая борьба на смерть; теперь они, казалось, забыли о томъ. Велигузь, доставъ изъ сумки сухарь, усердно грызъ его; тогда раненый Турокъ весьма понятными жестами выразилъ, что чувствуетъ голодъ. «А!» сказалъ Велигузь, «проголодался бѣдный, ладно, позавтракаемъ», — и онъ далъ ему сухарей.

34.

9) *Что рана, что контузія?* При началѣ сраженія 24-го іюля, когда фланговая непріятельская батарея открыла сильный огонь по батальонамъ гренадерскаго полка, ряловому 3-й фузелерной роты Потапу Цакуну ядро перебило ногу; стоявшій въ то время

около него рядовой Даріонъ Данилюкъ, желая его утѣшить, сказалъ: «ничего братъ, это только контузія.» — «Да, контузія», отвѣчалъ раненый, «а какая же, по твоему, бываетъ рана?» — «да вотъ, напримѣръ, оторвутъ кому голову», отвѣчалъ послѣдній, усмѣхнувшись. Въ это время ядро разможило Данилюку голову. Пакуиъ приподнялся, съ состраданіемъ посмотрѣвъ на убитаго, проговорилъ: «правда, что у меня контузія; а вотъ его такъ ужъ точно — ранили.»

35.

10) *Послѣднее ура.* Въ сраженіи 24-го іюля, рядовой Его Высочества роты, Николай Пищевъ былъ сильно раненъ ядромъ въ правую ногу ниже колѣна; вся кость была раздроблена. Страдая отъ ужасной раны, Пищевъ лежалъ на землѣ. Послѣ рукопашнаго боя Турки были опрокинуты. Въ это время мимо

раненаго проходили той же роты унтеръ-офицеръ Володинъ и рядовой Скуловъ. Нищевъ, привставъ на колѣни, закричалъ имъ: «братцы! скажите пожалуйста, чья беретъ?»—Вставай, братъ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ Володинъ, наши погнали Турокъ по затылку въ Карсъ. «Эхъ, жаль, братцы! что я безъ ноги, сказалъ грустно Нищевъ, не могу гнать съ товарищами Турокъ; спасибо вамъ, что порадовали меня хорошою вѣстью; за это я при концѣ жизни моей закричу, въ послѣдній разъ для батюшки-Царя, три раза: ура! ура! ура!» Нищевъ дѣйствительно изъ всѣхъ силъ три раза крикнулъ ура, но, ослабѣвъ отъ напряженія, безъ чувствъ упалъ на землю. Его перенесли на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ чрезъ полчаса умеръ.

36.

Въ дѣлѣ при Кюрукъ-Дара. Когда нашъ центръ, въ которомъ отличилесь

въ послѣдствіи гренадеры (Великаго Князя Константина Николаевича полка и Эриванцы-карабинеры Государя Наслѣдника Цесаревича полка), сошелся съ Турками, наши и турецкіе батальоны остановились на мгновеніе другъ передъ другомъ, готовые обмѣняться смертельными ударами.... Вдругъ одинъ Эриванецъ схватываетъ съ себя шапку и бросаетъ Турку въ глаза, всадивъ ему въ то же мгновеніе штыкъ въ грудь. Примѣру этого храбреца послѣдовали его товарищи, и началась отчаянная рукопашная битва, окончившаяся извѣстнымъ разбитіемъ 60.000 турецкаго корпуса. Одинъ линѣйный нашъ казакъ (а кому не извѣстно, что значать линѣйцы наши въ битвахъ съ азіатцами!), увидѣвъ подъ однимъ Туркомъ красиваго коня, положилъ себѣ во что бы то ни стало добыться этой лошади. Налетѣвъ, какъ вихрь, на Турка, и срубивъ его во мгновеніе ока, онъ уже считалъ его лошадъ своею, но

та, поворотивъ въ сторону, попеслась вдоль рядовъ турецкой кавалеріи, въ которыхъ не было интервала, гдѣ бы можно было ей пробѣжать. Казакъ нашъ летитъ за этою лошадью вдоль тѣхъ же непріятельскихъ рядовъ, крича во все горло; «держи, держи, это моя!» но Туркамъ было не до него и не до предмета его погони, потому что въ тотъ моментъ вся Турецкая кавалерія уже предалась общему бѣгству, а за нею поскакалъ и конь убитаго казакомъ Турка. Линѣецъ нашъ не взвѣдѣлъ свѣту, съ досады разорвалъ на себѣ шапку въ клочки, и жестоко наказалъ нагайкой свою лошадь за то, что она не могла догнать турецкой.

37.

Въ дѣлѣ подъ *Журжесею*, 25-го іюня 1854 года, при наступленіи цѣпи 1-й мушкетерской роты, рядовой (изъ Татаръ) Сахандей Утрубаевъ, пробираясь

черезъ густой камышъ острова Радо-
мана, наткнулся на трехъ Турокъ.

«Нѣтъ вамъ, друзья, пощады!»—за-
кричалъ по-татарски Утрубаевъ и, по-
ложивъ на мѣстѣ одного Турка выстрѣ-
ломъ, онъ бросился на остальныхъ
двухъ: завязалась борьба; ловкимъ уда-
ромъ штыка Утрубаевъ тяжело ранилъ
другаго Турка; послѣдній, не ожидая
своей очереди, пользуясь пересѣченною
мѣстностью, ушелъ отъ удалаго муш-
кетера.

На вопросъ товарищей, сколько онъ
уложилъ своихъ одновѣрцевъ, Утруба-
евъ отвѣчалъ: «жаль, что подвернулось
только трое, да и то дрянъ такая —
одинъ далъ тягу!...»

38.

Въ томъ же дѣлѣ 25 іюня, въ 5-ть
часовъ по полудни, егеря Томскаго пол-
ка, разсыпанные вправо и влево отъ
батареи, устроенной ниже *Журжен*, съ

удивленіемъ замѣтили Архипа Чирникова, деньщика Подпоручика Томскаго егерскаго полка Самойлова, который, неся что-то въ рукахъ, весьма покойно, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, пробирался по цѣпи егерей.

«Куда тебя несетъ?» кричали солдаты Архипу. «Пока живъ, убирайся-ка отсюда по добру-по-здорову; пропадешь задаромъ!..»

— Нашли чѣмъ пугать, отвѣчалъ деньщикъ; Турокъ-то что ли вашихъ не видалъ? скажите-ка лучше — гдѣ баринъ — онъ сердечный съ самаго утра ничего не ѣлъ, несу ему кое-что закусить.»

— «Его благородіе на батареѣ», сказалъ одинъ изъ егерей, «да туда, братъ, не суйся — тамъ не до закуски — слышишь ли какъ жарятъ!»

— «Спасибо, землякъ», сказалъ Архипъ Чирниковъ; «Богъ не попуститъ, татъ и ядро вражье не зацѣпитъ!» По указанію егеря, Архипъ Чирниковъ, съ

полнымъ хладнокровіемъ, отправился на батарею, гдѣ и пашелъ Подпоручика Самоѣлова, получившаго двѣ раны.

Провидѣніе сохранило вѣрнаго денщика.

39.

Въ Журжинскомъ отрядѣ, во время войны съ Турками 22-го января 1854 года, на островѣ Радоманѣ, Томскаго полка, фельдфебель 5-й егерской роты Фальковъ былъ раненъ пулею на вылетъ. По излѣченіи раны оказалось, что онъ не въ состояніи владѣть рукою, и его назначили въ неспособные. «Нѣтъ ужъ воля ваша», говорилъ Фальковъ, узнавъ рѣшеніе медика, «разстаться съ полкомъ не могу; 16-ть лѣтъ въ немъ я служилъ, не оставлю его и теперь.

Фалькову объявили, что при отставкѣ онъ имѣетъ право на третью прaporщичьяго жалованья.

«Знаю, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадають; но пока есть силы, я хочу служить и съ ротою не расстаусь!...»

40.

Въ томъ же дѣлѣ 22-го января, при отступленіи Турокъ, унтеръ-офицеръ 4-й карабинерной роты Трофимъ Козыренко, находясь въ головѣ преслѣдующихъ, кинулся на Турка, остановившагося для выстрѣла: Турокъ спустилъ курокъ, пуля задѣла Козыренко; мусульманинъ хотѣлъ защищаться штыкомъ, но Козыренко отбилъ направленный на себя ударъ и закололъ Турка, приговаривая: «не ловокъ, братъ!» — Взявъ ружье убитого, онъ показалъ его ротѣ : — «смотрите-ка братцы, и этимъ-то штыкомъ онъ хотѣлъ пробить грудь Русскую!» Рота засмѣялась: штыкъ на непріятельскомъ ружьѣ былъ спаянъ въ трехъ мѣстахъ.

Въ томъ же дѣлѣ 22-го января, рядовой 4-й карабинерной роты Матвѣй Петровъ, во время отступленія непріятеля, бросился на пару турецкихъ застрѣльщиковъ; заколовъ ближайшаго, онъ ударомъ приклада повалилъ другаго и, не желая бить лежачаго, требовалъ сдачи; но Турокъ упорствовалъ и, лежа на землѣ, старался ранить штыкомъ Петрова. — «Ну, коли не хочешь въ плѣтъ, такъ вставай; посмотримъ чья возьметъ.» Съ этими словами Петровъ освободилъ Турка изъ-подъ штыка; Турокъ вскочилъ, бросился на храбраго егеря, и нѣсколько непріятельскихъ застрѣльщиковъ бѣжало на помощь товарищу. Петровъ вторично ударилъ Турка штыкомъ, такъ что тотъ уже болѣе не подымался.

Сдѣлавъ выстрѣлъ по бѣгущимъ на него Туркамъ, Петровъ вернулся къ цѣпи.

25-го іюня 1854 года, въ кровавой схваткѣ близъ батареи нашей, устроенной на лѣвомъ берегу Дуная, ниже *Журжи*, противу острова *Макана*, унтеръ-офицеръ Абрамъ Ефимовъ былъ окруженъ 4-мя Турками. Не смутясь, Абрамъ Ефимовъ прокололъ штыкомъ одного изъ противниковъ, быстро обратился къ другимъ и, не смотря на полученную имъ рану въ ногу, посадилъ на штыкъ еще одного; остальные двое затѣмъ были поражены пулями. Уговаривали Абрама Ефимова идти на перевязку. «Далеко братцы, — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ, — я и самъ себя перевязку.» При этихъ словахъ Ефимовъ сѣлъ на землю, изъ-за обшлага шинели вытащилъ тряпицу, перевязалъ рану и, вставъ на ноги, объявилъ, что онъ готовъ снова угощать басурманъ.

25-го іюня, унтеръ-офицеръ Ремецкій съ двумя рядовыми, слѣдуя отъ батареи, устроенной ниже *Журѣси*, вверхъ по лѣвому берегу Дуная, встрѣтилъ турецкаго офицера съ 4-мя рядовыми. Турки, замѣтивъ нашихъ солдатъ, криками требовали помощи отъ людей, бывшихъ на островѣ *Макаиѣ*, но помощь не являлась. «Сдавайтесь!» крикнулъ имъ Ремецкій. Турки-рядовые, вмѣсто отвѣта, приняли оборонительное положеніе съ намѣреніемъ защищаться; но офицеръ ихъ, не надѣясь вѣроятно на своихъ подчиненныхъ и рассчитывая на пощаду, ломанымъ русскимъ языкомъ кричалъ, что опъ Венгерець, а не Турокъ.

«Ну, дружище, ушелъ ты отъ нашихъ штыковъ въ Венгрію — не бѣжишь отъ насъ въ Туретчинѣ: впередъ, впередъ! Ребята, коли ихъ!»—

вскрикнулъ Ремецкій , кинувшись на Турокъ, — и враговъ не стало.

44.

25 іюня, во время дѣла на островѣ Радоманѣ, рядовой 1-й карабинерной роты Леонтіи Ивановъ, находясь въ цѣпи, былъ раненъ; фельдфебель той же роты, видя, что Иванову нужна помощь, приказалъ одному изъ рядовыхъ довести его до перевязочнаго пункта; но Ивановъ рѣшительно отказался. «Не нуждаюсь я въ помощникахъ и въ мирное время, а теперь и говорить нечего; ты, братъ-землякъ, ступай-ка лучше въ цѣпь на мое мѣсто, а я поплечусь и безъ тебя!»

45.

Въ дѣлѣ 25-го іюня, 8-я егерская рота атаковала непріятеля, высадившагося на островѣ Радоманѣ. Рядовой Евстигнеевъ

былъ впереди роты; вскорѣ пуля пробила правую ногу егеря. «Нѣтъ,» вскричалъ Евстигнеевъ, «не пойду на перевязку, пока не помѣрюсь штыкомъ», и хро- мой продолжалъ идти впередъ. — Рота ударила въ штыки: новая пуля пробила лѣвую ногу егеря. Не имѣя возможности слѣдовать впередъ, Евстигнеевъ облокотился на ружье и, забывъ свои раны, жадно слѣдилъ за ходомъ схватки, крики одобренія часто вырывались изъ груди его. «Хорошо братцы, загнали басурмана въ Дунай; спасибо вамъ, друзья, другой разъ такой потѣхи не дождешься!» говорилъ Евстигнеевъ. Ослабѣвшій отъ сильной потери крови, егерь былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ.

46.

Въ дѣлѣ подъ крѣпостію Силистрією. 9-го іюня 1854 года, Брянскій полкъ занималъ лѣвую оконечность траншей. Меж-

ду низкими чинами 11-й егерской роты упала граната, трубка у которой дымилась

Рядовой Семенъ Коноваленко быстро бросился къ гранатѣ, и схвативъ ее, перекинулъ за насыпь; чрезъ нѣсколько мгновений граната лопнула, не причинивъ никому вреда.

Командиръ батальона спросилъ у Семена Коноваленко: «зналъ-ли онъ, какой опасности подвергался, хватая гранату?»

«Зналъ, что могу погибнуть,» отвѣчалъ Коноваленко; «но думалъ, что если Богу угодно, то спасу ваше высокоблагородіе, ротнаго капитана и сохраню жизнь нѣсколькихъ храбрыхъ моихъ товарищей!»

47.

6-го іюня, въ траншеяхъ при осадѣ крѣпости Силистріи, 9-й егерской роты

унтеръ-офицеръ Михайло Кондратьевъ былъ раненъ осколкомъ гранаты.

— Фельдфебель той же роты, Иванъ Антоновъ, подъ огнемъ непріятельскимъ, перевязалъ наскоро рану своего товарища и совѣтовалъ ему идти на главную перевязку. «Нѣтъ, говорилъ Кондратьевъ, «на перевязку не пойду — дайте братцы заколоть хоть одного Турка — авось они красноголовые сдѣлаютъ ночью вылазку!»

48.

Одновременно съ Кондратьевымъ, былъ раненъ той же роты рядовой Силантій Карякинъ осколкомъ гранаты въ лѣвую ногу. Перевязавъ наскоро рану, Карякинъ сталъ на свое мѣсто, — ротный командиръ хотѣлъ отправить его на перевязочный пунктъ.

«Помилуйте, ваше благородіе, если всѣхъ отправлять на перевязку, то тамъ столько наберется народу, что не

гдѣ будетъ повернуться! Богъ милостивъ — перетерплю, а здѣсь, быть можетъ, сегодня же и съ Туркой расплачусь — авось нехристи вылезутъ изъ своей трущобы!»

49.

Въ томъ же дѣлѣ 10-го іюня 1854 года, командиръ 4-го батальона Брянскаго егерскаго полка, Майоръ Домбровскій, находясь съ батальономъ въ траншеяхъ, замѣтилъ верховаго Турка, пробирающагося за непріятельскими зава-лами; взявъ штуцеръ у стрѣлка 4-й карабинерной роты, Ивана Бубера, и поставивъ прицѣлъ на 600 шагахъ, Майоръ Домбровскій хотѣлъ выстрѣлить въ непріятеля.

« Ваше высокоблагородіе, » сказалъ стрѣлокъ, « позвольте выстрѣлить мнѣ — не напрасно же я столько лѣтъ обучался — да и къ штуцеру-то къ своему приловчился — промаха не дамъ!.. »

Буберъ прицѣлился, выстрѣлилъ — и ссадилъ всадника съ лошади.

50.

17-го мая 1854 года, на лѣвомъ флангѣ траншей находилась рота 3-го стрѣлковаго батальона. Стрѣлокъ Степанъ Толстокоровъ, раздосадованный, что не можетъ съ вѣрностію бить непріятельскихъ стрѣлковъ, съ помощію своихъ товарищей взлѣзъ на росшее вблизи дерево и, не смотря на сыпавшіяся на него пули, хладнокровно поражалъ непріятеля и спустился съ дерева, когда уже смерклось.

20-го мая, стрѣлокъ Степанъ Толстокоровъ былъ раненъ изъ крѣпостнаго ружья картечью въ руку и въ то же время былъ поврежденъ стволъ его штуцера. Вовсе не заботясь о ранѣ, онъ горько жалѣлъ о потерѣ своего оружія и долго не хотѣлъ оставить рядовъ, желая отомстить врагу,

22-го мая, стрѣлокъ Василій Наумовъ, находясь въ траншеѣ, воспользовался выгоднымъ положеніемъ одной пустой амбразуры, помѣстился въ оной и безъ промаха дѣйствовалъ по цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ, державшихся за насыпью. Непріятельскія пули свистали около Наумова, не задѣвая храброго стрѣлка. Около вечера Наумовъ былъ раненъ. — Отправляясь на перевязку, онъ какъ особой милости просилъ у ротнаго командира—не отдавать его штуцера никому.

«Я долго въ госпиталѣ не останусь!» говорилъ стрѣлокъ. Черезъ двѣ недѣли, хотя рана еще не совсѣмъ была закрыта, Наумовъ былъ уже въ рядахъ батальона.

3-го сапернаго батальона. Во время устройства въ передовой линіи траншей, выведенныхъ противу крѣпости Силистріи, осадной батарее, работавшіе на оной саперы замѣтили, что Турки очень часто подбѣгають къ одному дереву и весьма скоро возвращаются.

«Вѣдь это, должно быть, вишня-черешня», сказалъ унтеръ-офицеръ Гаврило Бахтинъ; «вишь нехристи какіе— для лакомства и живота не щадятъ! — вѣдь стало — молодцы!»

Не прошло четверти часа, какъ молодой саперъ Максимъ Сатоненко, слышавшій, что дядька его назвалъ Турокъ-лакомокъ молодцами, тихо вышелъ

къ дереву и, нарубивъ пукъ сучьевъ съ вишнями, явился въ траншею. — «На, дядюшка, попробуй, скусна-ли черешня!...»

«Молодецъ-племяша, и вишня скусна,—да жаль только, что ты дерева-то совсѣмъ не срубилъ!...»

53.

3-й саперной роты, рядовой Матвѣй Темный, при переправѣ черезъ Дунай, несъ фашину къ работамъ мостоваго прикрытія. Раненый въ голову, саперъ продолжалъ тащить фашину, спокойно стирая съ лица кровь, лившуюся изъ раны.

«Брось фашину и иди къ доктору!» кричали ему товарищи. «Ничего братцы! докторъ еще не уйдетъ;—какъ до-

тащу фашину до мѣста, и на перевязку пойду.»

54.

Въ сраженіи 13-го октября 1854 года на Кадькіойскихъ высотахъ . Во время атаки редута № 4-го, штуцернику Одесскаго егерскаго полка 5-й роты, Дементію Коммиссарову оторвало осколкомъ гранаты кощы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки ; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его, но лившаяся кровь мочила патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія , Дементій Коммиссаровъ обратился къ офицеру: «Ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку, а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ! я же сейчасъ ворочусь.» И дѣйствительно , чрезъ нѣсколько минутъ Дементій Коммиссаровъ

явился опять между стрѣлками, и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

55.

Въ томъ же дѣлѣ, когда разбитая на-голову непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу, штуцерный 4-й карабинерной роты Цвѣтковскій, котораго не успѣли еще отвести на перевязку (а самъ онъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади Англичанина. «Ахъ, батюшки,» сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! онъ словно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ повернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ—

и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ Цвѣтковскій.

56.

— Въ одно время съ горнистомъ 1-го батальона Денегою, принесеннымъ съ оторванною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, Денего забылъ о собственныхъ страданіяхъ, и обратился къ полковому штабъ-лѣкарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе! погостите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!»

К О Н Е Ц Ъ.

